

НАСЛЕДНИК

В самом начале он сделал себе имя на том, чего злобный российский зритель терпеть не может. На том, что так раздражает и мешает смотреть телевизор. Что портит нервы режиссерам, создателям художественных ценностей, расчлененных на части. Он сделал себе имя на рекламе. Впрочем, в случае с Федором Бондарчуком данное словосочетание звучит нелепо. Кто кого сделал? Он — имя, или все-таки имя сделало его? В любом случае он этому процессу изо всех сил помогал.

Он из той обоймы, что положила начало новой, диковинной профессии "клипмейкер". Но сейчас ни у кого уже не повернется язык назвать Бондарчука клипмейкером. Он яркий артист и режиссер.

Его чингисханская внешность дает простор для создания образов в диапазоне от боевого офицера до бандюгана бандюганыха. И будоражит неокрепшие девичьи сердца.

Он отвечает на вопросы, внимательно изучая глянцевого мужской журнал. Видит, что мне это не нравится, но ему плевать. Он привык вести себя так, как ему хочется.

9 мая Бондарчуку-младшему стукнуло 35...

— Вы ведь когда-то мечтали стать солдатом, а в результате оказались в самой гуще шоу-бизнеса. А говорят, что богема и армия — две вещи несовместные.

— Три мечты, три профессии будоражили мое детское воображение — солдат, водитель такси и каменщик. Мы с родителями жили на Тверской, и с высоты седьмого этажа я, маленький, мог наблюдать праздничные парады. С тех пор военная форма и атрибутика меня завораживают. У меня была лопата, с помощью которой тетя Лиза киятила белье. Белая, выцветшая от горячей воды лопата в форме ружья... Я с ней не расставался. Таксистом хотел стать, потому что в детском саду меня поразила книжка из дерматина, на которой краской был написан номер машины. Мне казалось, что она символизирует принадлежность к чему-то важному. А на каменщика меня вдохновили многочисленные фильмы о советских стройках. Я доходил до состояния иступления, наблюдая как кладут камушек за камушком, и на глазах растет дом. А потом мои жизненные приоритеты поменялись. При переходе из начальной школы в среднюю я написал в сочинении, что хочу стать режиссером мультфильмов.

— Помните, когда произошла ваша первая встреча с кино?

— Не помню. Потому что произошла она очень рано, я с малолетства находился на съемочной площадке. Мама рассказывала, что в Ужгороде, где отец снимал "Ватерлоо", я чуть не утонул в реке Уж. Первое впечатление, сохранившееся в памяти, — поездка в Волгоград. Мне было семь лет, отец работал над картиной "Они сражались за Родину". Помню, как на вокзале нас с мамой встречал Василий Макарович Шукшин, мы поехали в село Вешки, рядом с которым снимали переправу через реку. И вдруг начали бомбить, взрывать речку, какие-то домишки вокруг.

— Вы испытали восторг или страх?

— Скорее удивление. Потому что вокруг отца находилось множество людей с большими звездами на погонах, а он всеми руководил, рисовал на карте какие-то стрелки. Это было первое серьезное представление о том, чем занимается мой отец. Я понял, что он — очень большой человек, потому что его слушают много народу.

— Родители готовили вас к выбору профессии?

— Мама не хотела, чтобы я занимался кинематографом. Моя сестра Наташа к тому времени уже давно работала в кино. Вторая сестра, Алена, училась в Школе-студии МХАТ. А меня пытались направить в другое русло: я поступал в МГИМО и должен был стать дипломатом. Но в один прекрасный момент все круто изменилось благодаря отцу.

— Каким образом?

— Он приехал ко мне во время экзаменов и задал весьма серьезные вопросы. Я понял, что настал тот момент, когда от них уже нельзя отмахнуться. Ведь вся моя подготовка к МГИМО и обучение с педагогами были напрочь перебиты улицей, центром Москвы, друзьями. Наша компания состояла из совершенно разношерстной публики. Это был целый мир, и самоутверждаться там приходилось достаточно серьезно. Мы гоняли какие-то тарантасы, залезали на голубятню. Помню, во дворе, где жил Митя Шостакович, сын знаменитого композитора, стоял пингонговый стол. Уже ближе к концу школы мы подружился со Степой Михалковым.

— Старшие товарищи рано научили вас пить-курить?

— Мой первый алкогольный опыт случился на дне рождения у сестры Алены. К ней пришли уже взрослые молодые люди с шампанским, и я помню только, как шел до станции провожать ее гостей и всю дорогу рыдал. Твердил, что сестра скоро выйдет замуж, уйдет из семьи и я ее никогда больше не увижу. Очень плакал от нахлынувших чувств.

— В том возрасте вы вообще хотели чему-нибудь учиться?

— Ни чуточки. У меня была другая жизнь — городская, протекающая за пределами квартиры. Все остальное меня не особо заботило. Момент, когда нужно принимать решение, наступил совершенно неожиданно. И отец помог мне его принять, в результате чего я и поступил во ВГИК. Вообще в моей жизни отца появлялся очень редко, но метко.

Маленький Федя на руках у мамы Ирины Скобцевой.

Бондарчук-младший с детства обожает оружие. Кадр из фильма "Мужская работа".

Федор БОНДАРЧУК:
"Никого не собираюсь прощать..."

ЛЯРИСА ПАНКРОВА

Сергей верхом на Федоре. В семье Бондарчуков внука по традиции называют в честь деда.

— Насколько редко?

— Только последние лет пять его жизни я мог насладиться общением с ним. У меня воспитание бабушкино — в некотором роде ортодоксальное. От бабушки идет и мое чувство веры, простое и очень твердое. Каноническое...

— Сергей Федорович, будучи коммунистом, не протривился религиозному воспитанию сына?

— А вы не заметили, что все творчество моего отца пронизано высокорелигиозным чувством? У него на самом деле не было никаких коммунистических идеалов. Его интересовали гораздо более важные вещи: любовь, добро, все те параметры, которые он соблюдал, снимая свои картины. Он вступил в партию в 1974 году, будучи уже зрелым человеком. Членство в партии было необходимо ему, чтобы иметь возможность снимать там на Западе.

— Вы когда-нибудь видели отца в минуты слабости?

— Нет, ни разу. Я видел его в минуты слабости, только когда его поразила болезнь, от которой он скончался. Но это была не духовная слабость, а физическая.

— Сыновья таких отцов неизбежно знают, что такое эдипов комплекс. Только проявляется он у них по-разному. Я права?

— Наверное, да. Можно, конечно, кричать о том, что на тебя никак не повлияла фамилия отца, что ты не

сравнивал себя с ним постоянно. Но какой смысл? Может быть, у меня этот комплекс проявился в какой-то качественно иной форме. Но на мою жизнь он не оказал такого уж сильного влияния. Во всяком случае, никаких терзаний я не испытывал.

— Но однажды между вами произошел серьезный разрыв.

— Он случился на бытовой почве. Я не согласился с его позицией по поводу моей личной жизни, но об этом я не хотел бы разговаривать.

— Разве не ваша женитьба стала тем самым бунтом, из-за которого вы поссорились?

— Да никаким не бунтом! Я просто влюбился в девушку, живу с ней шестнадцать лет и люблю ее до сих пор. Я тогда лежал в больнице, получив в армии травму ноги. У меня была подруга детства Оксана Гордиенко, которая меня навещала. В один прекрасный момент она привела с собой подругу небесной красоты — в школьной форме и со смечкой в пакетике. Мне было 19, а Света училась в десятом классе. Почти сразу мы стали жить вместе.

— Родители в итоге приняли ваш выбор?

— Да. Конечно.

— Вы когда-то сказали, что доделать "Тихий Дон" — ваш сыновний долг. Вы по-прежнему собираетесь его выполнить?

— Это же последняя работа отца, я не могу о ней забыть, она как дамоклов меч надо мной висит. Год назад мы с мамой летали в Рим, потому что стало ясно, что письма и бумажная волокита не принесут результата. Надежды на то, что поможет государство, Министрство культуры или Союз кинематографистов, тоже не оправдались. Я понял, что необходимо заниматься этим без посредников. Все-таки нам как людям, которым принадлежит авторское право на фильм и, соответственно, часть собственности, обязаны дать ответы на наши вопросы. Мы их получили: на данный момент продюсер картины обанкротился, фильм арестован итальянским банком из-за невозврата кредитов. Смонтированные исходники хранятся у третьего лица в другой стране, весь отснятый материал находится на итальянской киностудии "Чиничита". И существует сумма, за которую данный банк готов продать картину. Осталось самое простое — найти нужную сумму.

— Ее размер соответствует жизненным реалиям?

— Она гораздо ниже, чем могла бы быть! Но мне — лично мне — она все равно не по силам: это шесть миллионов долларов. Поэтому я делаю все возможное, чтобы где-то их раздобыть: ищу спонсоров, веду бесконечные переговоры. Жив монтажер отца, который монтировал картину. Я встречался с ним в Риме. Он сказал, что готов воссоздать все тринадцать телевизионных серий в том виде, в котором сделал их Сергей Бондарчук.

— По вашей судьбе и по вашей психике ударил V съезд кинематографистов, где громили Бондарчука?

— Да, конечно. Я вернулся из армии, шел 87-й год, и от того ВГИКа, в который я поступал, не осталось ничего. Студентами руководили молодые реформисты — те самые люди, которые обливали грязью моего отца и вообще всех классиков советского кино. Студенческое сообщество меня не принимало...

— Вы стали изгоем?

— Нет. Все это только прибавляло мне сил. Когда мы с Кеосаяном и Охлобыстиным уходили в армию, Сергей Герасимов назвал нас звездным курсом. Вот примерно так же мы и закончили ВГИК, и в том же составе. Будучи студентом режиссерского факультета, я переиграл во всех актерских мастерских, начиная от Захарова и заканчивая Соловьевым.

— Встречаясь в коридорах с теми, кто клей-

ком, покрытым газетками, и едят воблу. И обязательно, чтобы были мухи и тараканы. Обязательно!" Сначала пытаешься возражать, а потом понимаешь, что спорить нет смысла. И работать вместе — тоже.

— Отец видел ваши клипы? Мастера такого уровня обычно снисходительно относятся к малым жанрам.

— Да щас! Ему очень нравилось. Я ему все свои первые ролики показывал. Он даже предлагал Алле Борисовне Пугачевой снять для нее ролик на песню "Арлекино" на Байконуре. К сожалению, не помню, как отреагировала Алла Борисовна на его предложение.

— Вы однажды обмолвились, что в свое время лишь пара шагов отделяла вас от бездны.

— Это было настолько давно, что вспомнить уже не хочется. У меня же взрослый сын, он газеты читает.

— Я не спрашиваю, как выглядела "бездна", — это можно предположить. Я спрашиваю: что вас остановило?

— Меня остановили друзья, и в первую очередь Степа. Меня остановила семья. И все, эту тему давайте закроем.

— Ваш сын подозревает, насколько бурная молодость была у его отца?

— Хорошо помню одно состояние: я, Степа Михалков и Антон Табаков (у нас примерно в одно время родились дети), пляж Серебряного Бора, пикник после очередного фестиваля "Поколение", который мы проводили. Перед нами стоит закуса, выпивка, помидоры-огурцы, а рядом — три плетеных лукошка. И в каждом лукошке лежит младенец. Так мы первое время и путешествовали вместе с ними.

— Ваш незабываемый образ из "8 1/2 долларов" в сознании сына не проецируется на реального папу?

— Нет. Он ему очень нравится. Правда, его одноклассникам запрещают смотреть этот фильм. И правильно делают: он не для маленьких мальчиков. Я бы своему тоже не разрешил, будь моя воля. Но он у меня человек самостоятельный, может взять кассету и посмотреть. Он прекрасно понимает, что это моя профессия. И никак не связывает мою настоящую жизнь с тем, что я делаю на экране.

— Вы уже планируете будущее своих детей?

— Пока нет. Они еще маленькие, особенно Варя, которой всего три годика. Я вижу в них определенные задатки. Сережа человек очень артистичный, творческий. Он похож на меня. Я его уже снимал в рекламе, и он отлично себя проявил. Он большой молодец. Единственное, что я планировал и точно знал наперед, — какое имя я дам своему сыну. В нашей семье мальчиков всегда называют в честь деда.

— Играя князя Мышкина в "Даун Хаусе", ощущали давление образа, созданного Смоктуновским?

— Нет. В данном случае я полностью доверился режиссеру Роме Качанову. Что он мне говорил, то я и делал. Сам я сыграл бы эту роль абсолютно по-другому. Во многом я с Ромой не согласен, но это мое мнение, и оно к фильму не имеет никакого отношения. Я знаю огромное количество поклонников картины и такое же огромное число людей, которые ее абсолютно не воспринимают. Например, моя мама.

— Она вас отговаривала сниматься?

— Нет, если я что-то решил, отговаривать бесполезно. На меня никто не может повлиять, даже очень близкие люди. Мама может сказать: "Такого искусства я не понимаю, я бы на твоём месте отказалась".

— А где вы научились так танцевать?

— В кадре меня дублировал мой друг Балахов. Это его танцы.

— Существуют ли иные вопросы, по которым у вас с мамой возникает непонимание?

— Нет. Я поздний ребенок. Я очень люблю свою маму и дорожу ею, поэтому мне проще принять ее точку зрения и не вступать в спор. Я вроде как поддаюсь ей. Мне это не всегда удается, порой я ее обижая, становлюсь слишком жестким, а потом вино себя за это.

— Вы общаетесь со своими сестрами?

— С Наташей я общаюсь редко. Хотя после смерти отца мы с ней очень сблизились. А с Аленой — чаще. Она тоже актриса, но в тот момент, когда надо было устраиваться в театр, она уехала из страны и долгое время жила за границей. Сейчас Алена вернулась и пытается вновь заниматься своим любимым делом. Я стараюсь ей помочь, правда, у меня пока не получается.

— Из каких соображений вы взяли за проект "Судьба человека-2"? Переключка с отцом?

— Сейчас уже от замысла "Судьбы человека-2" осталось одно название. Да и то — в прошедшем времени. Теперь фильм называется "Девятая рота". От идеи римейка отцовского фильма я отказался. Она трансформировалась в совершенно самостоятельный сюжет, где речь идет о последних днях афганской войны. Никаких сценарных пересечений не состоялось.

— Вам не кажется, что само словосочетание "Судьба человека-2" несколько коробит слух? Особенно у тех, кто воспитан на фильмах Сергея Бондарчука.

— Это было всего лишь рабочее название, временное. Оно обозначало не картину, а проект. Фильм в любом случае назывался бы иначе. Сейчас процентов на семьдесят утверждён актерский состав. Из молодых никого не называю, потому что это секрет. А из известных — Коля Фоменко, Саша Баширов. Еще трое пока не дали согласия. Сейчас ведутся переговоры.

— Вы их уговариваете?

— В фильме пять главных ролей для молодых артистов, которым должно быть по восемнадцать—двадцать лет. Почти все остальные роли очень маленькие, практически эпизоды. Как раз на них я и хочу подписать своих друзей — монстров кинематографа, звезд.

— Вы производите впечатление человека довольно экстремального. В вашей жизни много острых ощущений?

— Были, были... Но, пожалуй, лишь об одном из них можно рассказать в газете. Однажды мы с моим другом Вовой Пресняковым приехали в тот же Серебряный Бор. Приблизилась весна, лед практически сошел, а Вовка что то дернуло перебраться речку. Я побежал за ним и вдруг увидел, как он иступленно машет мне руками. И кричит, чтоб я уходил. А я был уже на полпути — и в тот же момент услышал под ногами характерный треск расплывающегося льда. Это было страшно так! С божьей помощью мы оба добрались до берега, не провалились, но это ужасное ощущение — когда из-под тебя уходит опора — я запомнил навсегда.

— В жизни у вас бывает похожее чувство — будто земля из-под ног ускользает?

— Еще как! А потом вдруг раз — и я уже на другом берегу.

"Влюбился в девушку. Живу с ней 16 лет и люблю до сих пор".

КАТЯ ГАРКА